

В. П. Щетников

Транснистрия в контексте «устной истории» на начальном этапе оккупации в 1941 году

16 октября 1941 года румынские воинские подразделения вступили в Одессу. Территория Буго-Днестровского междуречья (между реками Южный Буг и Днестр) была полностью оккупирована румыно-немецкими войсками в период с двадцатых чисел августа до середины октября 1941 года. Согласно приказу (декрету) № 1 генерала Иона Антонеску от 19 августа 1941 года возникла новая административно-территориальная единица на оккупированных украинских землях восточнее Днестра и вплоть до Ю. Буга «под юрисдикцией румынской администрации» с названием Транснистрия. Окончательно границы румынской зоны оккупации на данной территории определились согласно договора «Хауф-фе-Тэтэрэну» подписанного 30 августа 1941 года представителями немецкого и румынского военного командования в Бендерах. Соглашение определило не только границы Транснистрии, но и зоны интересов как Румынии, так и Германии на этой территории придавая ей особый статус¹. 17 октября 1941 года декретом № 4 Иона Антонеску Одесса была объявлена центром «Губернаторства Транснистрии» (до этого таким центром, согласно декрета № 1 был Тирасполь)².

За 70 лет, прошедших с тех пор, неоднократно предпринимались попытки осветить период румыно-немецкой оккупации региона в научной, научно-популярной, мемуарной (и т.д.) литературе. Вместе с тем, следует заметить, что их было не так уж много и практически все они несут на себе изрядный заряд политизации. Сам факт появления их, как правило, к тем или иным юбилейным датам, связанным с историей Второй мировой войны - свидетельствует об этом. Именно поэтому история Одесской и смежных с ней областей Украины, равно как и история Молдовы в 1940 - 1944 гг. достаточно далека от того, чтобы считаться обстоятельно и глубоко изученной. Не говоря уже о полной несовместимости конфронтационного способа общения между коллегами по «ремеслу», что, на наш взгляд, абсолютно недопустимо в рамках серьезного научного подхода.

В этой связи, несомненно актуальным выглядит замечание ведущего специалиста по проблемам Второй мировой войны в Украине доктора исторических наук, профессора А. Е. Лысенко, когда он говорит о «многомерности событий Второй мировой войны», что само по себе делает невозможным изучение проблемы (и даже ее отдельного аспекта) «в одной или даже нескольких смысловых плоскостях». А отсюда - необходимость «синтеза всех возможных проявлений и рефлексий» изучаемого явления³. А. Е. Лысенко говорит о необходимости поиска новых исследовательских методик, «непривычных инструментов познания», что позволило бы в конструктивном смысле слова спровоцировать новые дискуссии, выйти на новые горизонты поиска.

Здесь уместно было бы вспомнить замечание английского историка Пола Томпсона (много сделавшего для пропаганды и развития методов «устной исто-

рии»), высказанное им еще во второй половине 70-х гг. XX ст., о том, что задача «устной истории» «...вернуть людям делавшим и видевшим историю — центральное место в ней, дать им возможность заговорить!»⁴ Заметим, что очевидно актуальной такая задача выглядит на постсоветском, да и на всем постсоциалистическом пространстве в силу известных обстоятельств.

Строго говоря, по мнению одного из ведущих специалистов в этой области - Сигурда О. Шмидта «устная история» это «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами»⁵. Автор данной статьи уже около 10 лет проводит анкетирование участников и очевидцев событий периода оккупации в Одессе и области (преимущественно) согласно опросника разработанного в секторе Второй мировой войны Института истории Украины НАН Украины с помощью студентов и аспирантов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. Накоплено около сотни опросных листов, содержащих интересную и редкую информацию, которая будет обобщена и опубликована. Уже сейчас, например, можно сказать, что методика устной истории позволяет по-новому взглянуть на многие известные факты, и, вместе с тем, требует чрезвычайно осторожного и внимательного подхода, поскольку чревата эффектом аберрации, причем с обеих сторон (как со стороны берущего интервью, так и со стороны респондента): это касается и восприятия степени немецкого и румынского присутствия в Транснистрии, и хронологической корректности, и несоответствия имеющихся стереотипов с реалиями периода оккупации оставшихся в памяти очевидца (здесь, кстати, возраст очевидца также может сыграть двойную роль) и т.д. и т.п. Среди достаточного количества неординарных высказываний респондентов встречается и тезис о том, что население Транснистрии пользовалось не так спичками, как зажигалками. Для тех, кто помнит, что вплоть до 1970-1980-х годов обладание зажигалкой считалось престижным, поскольку советское население пользовалось в основном спичками, возможен вывод о высоком уровне жизни населения оккупированной территории. По крайней мере, современные одесские студенты причастные к поискам и работе с респондентами именно так реагировали на это высказывание, выражая свое удивление и недоверие этому факту. Вместе с тем, необходимо помнить о системных переменах в работе всего промышленного комплекса на оккупированной территории (как под управлением румынских, так и немецких властей): нарушении всей системы меж- и внутриотраслевых связей, слабую степень развития лесной и деревообрабатывающей промышленности в регионе, прекращение крупного промышленного производства и возрождение на его месте кустарного сектора, значительные проблемы с энергообеспечением и вызванный этим повышенный спрос на альтернативные источники тепла и света и т.д. и т.п.

За неимением времени мы не станем здесь разворачивать подобную аргументацию по другим неординарным высказываниям респондентов. Отметим лишь, что еще одним безусловно перспективным направлением изучения истории Транснистрии в 1941 - 1944 годах может стать попытка сравнительного анализа данных «устной истории» применительно к Транснистрии и тем гебитам генеральных округов райхскомиссариата «Украина», которые были пограничными с румынской оккупационной зоной и располагались на территориях Винниц-

¹ См.: Щетников В.П. Роки Великої Вітчизняної війни (1941-1945 рр.) // Історія Одеси. - Голов, ред. В.Н.Станко. - Одеса: Друк, 2002. - С. 401.

² Государственный архив Одесской области. - Ф. Р-2243. - Оп. 2. - Дело 53. - Л. 23.

³ См.: Лысенко О.С. Україна по війні: підсумки та перспективи // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. - Вил. 202, ч. 1. - Черкаси, 2011. - С. 3.

⁴ Томпсон Пол. Голос прошлого: Устная история /Пер. с англ. - М.: Весь мир, 2003. - С. 15. ⁵ Устная история. - Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D1%81_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F (последнее обращение 30.09.2011 г.).

кой и Николаевской областей сообразно довоенному административно-территориальному делению (не говоря уже о достаточно «плотном» немецком хозяйственном присутствии и на территории самой Транснистрии).

Здесь речь может идти о схожести и несхожести моделей хозяйствования, политике по отношению к местному населению относительно его этнической, идеологической, социальной, конфессиональной и т.п. принадлежности. Именно по этим, обозначенным параметрам имеется больше всего информации как по линии мемуарной литературы, появившейся на незначительном удалении от описываемых событий, так и относительно недавно и, что особенно примечательно, в формате изысканий по методике «устной истории» проводимой в последние 10 лет.

И вот здесь мы выходим на еще один немаловажный аспект проблемы применения методики «устной истории» к изучению событий 1941 - 1944 гг. на территории Транснистрии (и, думается, не только здесь). Речь идет о хронологической отдаленности событий, а стало быть и о возрасте респондентов. С одной стороны детская память - весьма цепкая. Но здесь имеются моменты и затрудняющие поиск.

Прежде всего отметим относительно позднее начало «массового» применения методов устной истории как в целом, так и на территории Украины и особенно в нашем регионе. Этому имеется ряд причин о которых не время и не место здесь говорить, но хотелось бы отметить главное: несмотря на все сложности работы по выявлению и интервьюированию очевидцев событий периода оккупации Транснистрии в 1941 - 1944 гг., главная проблема заключается в том, что как верно заметили современные немецкие исследователи (Говард Ворландер, Лутц Ниетхаммер, Кенн Говард и др.) - «интервью свидетелей [добавим: полученные сегодня, т.е. в рамках последних 10-15 лет] являются не «настоящими» источниками, а последующими интерпретациями»⁶. И это при том, что данные авторы имели в виду состояние исторической науки на Западе в гораздо более ранний период, а именно: в 70-е и 80-е гг. XX ст.

В самом деле, можно согласиться с сентенцией о том, что интервью о 1941 годе, полученное в 2011 году мало что говорит о первой дате, но зато очень много о последней. В этом автор данного сообщения неоднократно убеждался проводя интервью и опросы свидетелей и современников тех событий (немаловажным является и возрастной фактор интервьюируемых: сейчас это крайне редко выходит за 10 - 12 летний возраст очевидца).

Наконец, говоря о возможностях устной истории применительно к задачам непредвзятого изучения первых недель и месяцев оккупации Украины в 1941 году, необходимо учитывать еще несколько моментов.

1. Наличие фронта и близкондущих боевых действий, как и неизбежный период организационной неразберихи при передаче власти представителей немецких оккупационных сил румынским, равно как и отсутствие четкого видения концепта своего присутствия в полном масштабе даже на самом высоком уровне управления оккупированными территориями (например по линии военного и гражданского управления) - все это не позволяло сложиться картине в рамках единого эмпирического восприятия происходящего и особенно - на первых порах; но тем более важны для исследования эти отдельные проявления вос-

⁶ Интервью со свидетелями: Основы Устной Истории. Статус-кво в исследовательской технике. - Режим доступа: http://erinneningsort.de/-_206.html (последнее обращение 3.10.2011 г.).

приятия на личностном уровне в этот период. И вот здесь-то мы выходим на важность изучения мемуаристики при использовании методики «устной истории».

2. Резкие перемены (прежде всего в социокультурном и демографическом, а также и в этническом плане) контингента населения оставшегося в оккупации, равно как и относительно позднее время появления некоторых «воспоминаний», заставляют нас, в силу разных причин, с большим вниманием и осторожностью относиться к большинству из них. Существующая возможность фальсификации предмета изучения делает необходимым метод сравнительного анализа как уже имеющегося, так и вновь обнаруженного/созданного массива таких источников с желательным достаточным количественным запасом, что повышало бы степень уверенности в их достоверности.

3. И наконец - главное: все вышеприведенные соображения касались обоснования актуальности и необходимости изучения самого начального этапа оккупации Транснистрии (в частности). Что же касается корреляции информации полученной с применением методики «устной истории» и воспоминаний очевидцев, созданных, что называется «по горячим следам» зафиксированных событий, то здесь отметим, прежде всего, насущнейшую необходимость проведения сравнительного анализа этих двух видов документов. Собственно говоря, без такого анализа ни одна из групп не может считаться полностью достоверной. Делая маленькое отступление скажем, что очевидной является и проблема, если можно так выразиться «пограничных» документов, т.е. воспоминаний очевидцев в большом количестве появившихся у нас в 90-е годы, особенно с середины этого десятилетия. И уж совсем отдельно стоящее явление - воспоминания, обнаруженные только сейчас...⁷

Думается, что все эти серьезные проблемы, стоящие на пути осмысления событий 40-х гг. 20 столетия перед вдумчивым и профессиональным исследователем, в значительной степени могут найти свое решение путем корреляции методов «устной истории» и уже существующих (равно как и вновь обретенных) мемуаров. Именно здесь представляется возможным обрести новую площадку для дальнейшего развития непредвзятого научного подхода к проблеме, прийти к весомым научным выводам.

Главным условием для достижения такого позитивного результата является высокий профессионализм исследователя: он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** должен знать предмет изучения и только в таком случае «устная история» сможет заговорить. Здесь речь идет прежде всего об интересных и неординарных высказываниях современников и очевидцев, которые (высказывания) могут быть поставлены в более широкий контекст, интерпретированы с точным знанием предмета и в таком виде явлены вновь широкой публике либо в качестве дополнения, либо в качестве подтверждения (а может быть и опровержения) уже имеющихся в обиходе данных, устоявшихся стереотипов.

⁷ О том, что такие находки не только теоретически, но и практически возможны, свидетельствует хотя бы факт недавнего обнаружения одесским коллекционером Пойзнером М.Б. мемуаров, касающихся самых первых дней оккупации Одессы (16.10. - 8.11.1941 года). Сравнительный анализ проведенный автором этой статьи в контексте вышеизложенных подходов позволяет склониться к выводу о подлинности данного документа.